

Литературная газета
г. Москва
14 0 MAR 1982

КАЛЕНДАРЬ
«ЛГ»

ПЕВЕЦ СОЛДАТСКОГО МУЖЕСТВА

К 60-летию со дня рождения Семена Гудзенко

СТРАННОЙ была моя первая встреча с Семеном Гудзенко — странной даже для тех последних месяцев войны, когда все мы были уже опьянены предвкушением ее близкого конца и забывали о том, что и в последнее мгновение можно погибнуть.

Вот как эта встреча произошла.

Я ехал в кузове попутного грузовика в Вену, наполови-

ну уже занятую нашими войсками. Навстречу мчался такой же грузовик, и, когда он уже был совсем близко, кто-то, как и я, стоявший у самой кабины, замаха руками и стал что-то выкрикивать. Обе машины остановились. Ловко перемахнув через борт, к нам подбежал молодой офицер и попросил прихватить его с собой в Вену, откуда, собственно, только что и приехал. Через минуту

он стоял в кузове рядом со мной и мчал в обратном направлении.

Мне бы удивиться тому, что военный, ехавший, как видно, куда-то по делу, вдруг передумал и решил вернуться, но меня так заворожила его внешность, что о странном поведении его я и не подумал. Был он статный, необыкновенно красивый...

Позже, сидя у обочины в ожидании, когда шофер сменит колесо, я узнал, что фамилия моего случайного попутчика Гудзенко, что он армейский журналист, что последние три месяца он все время находился на передовой и редактор его не то чтобы отпустил, а заставил уехать на три дня в тыловую уже Будапешт, чтобы отдохнуть и немного отдохнуть.

— Но ехать сейчас в тыл глупо, — сказал он. — Этак, чего доброго, нетрудно пропустить и то, за что боролся.

Это я понимал. Все мы, фронтовые журналисты, больше всего в те дни боялись пропустить последний выстрел. И в самом деле, разве не обидно было бы оказаться в тылу в торжественный момент, которого ждали так долго и который, как понимали все, теперь так близок?

Мы ночевали в блиндаже

командира одного из батальонов рядом со знаменитым венским кладбищем, разговаривали о всяком, но о стихах Гудзенко ничего не сказал, и утром я с ним попрощался, так и не узнав, что он поэт. И только через несколько дней я случайно увидел в армейской газете стихи за его подписью.

Название того стихотворения я забыл. Помню только, что, прочитав, ни на минуту не усомнился, что писал его именно тот Гудзенко, с которым я познакомился: стихи были такие же мужественные, стройные и красивые, как он сам, — они точно соответствовали представлению, которое сложилось у меня о нем как о человеческой личности.

В формировании каждого человека, как известно, важнейшую роль играют жизненные обстоятельства. Но особенно важную роль они играют в момент, когда кончается отрочество и наступает зрелость. Семену Гудзенко исполнилось девятнадцать лет, когда он принял первый бой в составе пехотного взвода. Он возмужал и созрел именно в тот страшный день. С тех пор будущий поэт оставался в строю до самого последнего дня войны — то был рядовым пехотинцем, то партизанил, то скитался по

передовым в качестве военного корреспондента. Не удивительно поэтому, что его стихи так точно отразили его личную судьбу и даже чем-то напоминают его яркую и серьезную внешность.

Если правда, что истинный художник приходит для того, чтобы сказать собственное слово о своем времени, то Семен Гудзенко — истинный художник. Из его стихов можно узнать и о том, что происходило в годы войны, и о нравственном смысле происходившего. И самое главное — из его стихов можно узнать, кем и каким был советский солдат как личность, в чем он черпал силы, дававшие ему возможность не только не жаловаться на судьбу, но и благословлять ее.

Это не киплингский Томми, шагающий по Африке: отвоевывать свое — не то, что завоевывать чужое!

На полях, где мы бои вели,
сколько было вынута земли
заступом, взрывчатной
и киркой!

Этот солдат не сдует на «пыль, пыль», только и осложняющую жизнь Томми: он труженик справедливой войны, и хотя труд его тяжел и изнурителен, но зато дарует человечеству жизнь и свободу.

Семен Гудзенко прожил всего тридцать лет. После дня, когда он принял первый бой, судьба отпустила ему лишь десять, и все эти годы его окружали бойцы: сперва с винтовкой в руках, потом с лопатой и киркой — разгребавшие руины и возводящие леса новостроек. Советских солдат, ставших для него воплощением мужества и добра, ему так и не довелось увидеть в штатских пиджаках.

Быть под началом
у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Вот какой нравственной вершиной стал для поэта человек в пропотевшей и вылинявшей гимнастерке! И речь, конечно, не о фетишизации человека с ружьем, а о приоритете жизненной правды. И это, пожалуй, единственное прямое высказывание Гудзенко о назначении поэта и поэтического творчества.

Он не любил распространяться на эту тему. Зато каждое стихотворение подтверждало эти его слова своей удивительной предметностью, жизненностью и реальностью. В центре стихотворений и поэм Гудзенко — живое явление и живой чело-

век. И будущее этого человека почти всегда воплощено в конкретный и ясный образ.

Жизни путь,
что начал на войне,
видится в песнях
безвестных мне
трассой животворного
канала.

Семен Гудзенко пришел в советскую поэзию вместе с целым «взводом» поэтов-фронтовиков — с Михаилом Лукониным, Сергеем Орловым, Давидом Самойловым, Борисом Слуцким. Я помню, как Гудзенко носился с рукописями своих боевых друзей, как настойчиво добивался их скорейшей публикации: он был широко мыслящим человеком и боролся не за свое место в поэзии, а за саму поэзию.

Как жаль, что судьба даровала ему такую короткую жизнь! Сколько мужества и глубокой серьезности мог бы он привнести в поэзию нынешних дней! Однако война не только жестока, но и коварна: она не кончается с последним выстрелом. И старая контузия дала о себе знать через десятилетие, лишив советскую поэзию одного из самых мужественных поэтов.

Савва ГОЛОВАНОВСКИЙ
КИЕВ